

АВТОР В МИНИАТЮРЕ «ЧАСОВНЯ» (1944) И.А. БУНИНА¹

Ольга Яковлевна Гусакова

кандидат филологических наук,

доцент кафедры начального языкового и литературного образования факультета ППиСО

ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского»

e-mail: gusakovaoy@mail.ru

Аннотация. В статье на материале одного из рассказов цикла «Темные аллеи» (1937–1949) И.А. Бунина анализируются сущностные основы авторства – авторский эмоциональный комплекс, содержание авторского сознания, отношения автора и героя.

Ключевые слова: И.А. Бунин, лирическая миниатюра, жанровые параметры, автор, философское содержание, эмоционально-смысловой комплекс, психологизм, ассоциации.

AUTHOR IN THE MINIATURE «CAPEL» BU I.A. BUNIN

O.Ya. Gussakova

candidate of Philology, associate professor of Department of Elementary Language and Literature

Education, Faculty of Pedagogical and Special Needs Education

Saratov State University

e-mail: gusakovaoy@mail.ru

Abstract. The article, based on one of the stories from “Dark Avenues” by I. A. Bunin, analyzes the essential foundations of authorship - the author’s emotional complex, the content of the author’s consciousness, the relationship between the author and the character.

Keywords: I.A. Bunin, lyric miniature, specifics of the genre, author, philosophical content, emotional-semantic complex, psychologism, associations.

Поиски И.А. Буниным новых жанровых форм на рубеже XIX–XX веков, во многом обусловленные особым родом его художественного таланта – умением слить воедино стилевые поэзии и прозы, а также постоянным стремлением найти возможность писать «ни о чем, просто о том, что видел, что пережил, что помнится, о чем думается» привели к формированию в творчестве писателя жанра литературной миниатюры, не совпадающей по своим жанровым параметрам с рассказом и новеллой в их обычном понимании.

Ярким образцом подобного несовпадения является рассказ «Часовня» (1944) из цикла «Темные аллеи», обладающий всеми жанровыми признаками малой лирической прозы: отсутствие сюжетности как основы повествования, развернутой системы характеров и приемов эпического письма; преодоление условностей принятой последовательности элементов композиции, лиричность повествования и психологизм («внешний» и «внутренний» – *И.В. Страхов* [4]),

¹ © Гусакова О.Я., 2018

© Саратовский университет, 2018

обусловленные слиянием авторского Я с Я героя и Я повествователя.

В этой исключительно короткой, по сути эскизной, зарисовке, при внимательном прочтении обнаруживается важная часть эмоционального комплекса писателя в целом.

Известно, что все творчество И.А. Бунина по сути своей философично. Предметом философских размышлений в его разных по жанру произведениях были «тайны человеческой сущности, место человека в бездне космоса, первостихии природы, загадки онтологических и трансцендентных сфер» [2: 535]. Глубокого философского содержания исполнена и миниатюра «Часовня», являющаяся, без сомнения, одним из фрагментов размышлений писателя на бесконечно волновавшую его тему: о конечности бытия. В ней в эмоциональной форме писатель ясно выразил свое представление об отношении человека к этому загадочному и жуткому явлению, а подтексте – и о возможности/невозможности преодоления страха перед роковой неизбежностью.

К представлению о бунинском осмыслении этой проблемы ведет прежде всего композиция произведения, обусловленная самим ходом переживаний лирического героя, т.к. несмотря на повествование от третьего лица, именно он, а не дети, как может показаться сначала, в центре повествования, и именно его исключительная впечатлительность составляет главный смысл произведения.

Структурообразующую роль в произведении играет ассоциативная параллель двух мотивов – страстного отношения к жизни и неприятия смерти. Первый раскрывается в образах жаркого солнца, теплого ветра, прекрасных белых облаков, второй – ночной тьмы, холода.

Сопоставление двух диалектически взаимодействующих образов – жизни и смерти – повторяется в произведении трижды, постепенно усиливая философский смысл произведения, лирическое начало, эмоциональный накал переживаний и выразительность настроения автора.

Первый раз – в самом начале миниатюры, выполняющем функцию лирического зачина.

Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы, давно заброшен-

ное кладбище, – бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарником, разрушающаяся кирпичная часовня [1:252].

В этом описании смысловая и структурная значимость образов брошенного кладбища и одинокой разрушающейся часовни, ассоциативно сближенных со смертью, подчеркнута контрастом с летним жарким днем, полем, высокими (т.е. исполненными жизненных сил) цветами и травами. С эмоциональной же точки зрения – эскиз настроения, исполненный спокойного созерцания и лирической грусти.

Второй раз мотив трагического единства жизни и смерти, а также связанный с ним эмоциональный комплекс – радость природы, жизни и непостижимость смерти – вплетается в бытовую зарисовку.

Дети из усадьбы, сидя под часовней на корточках, зоркими глазами заглядывают в узкое и длинное разбитое окно на уровне земли. Там ничего не видно, оттуда только холодно дует. Везде светло и жарко, а там темно и холодно: там, в железных ящиках, лежат какие-то дедушки и бабушки и еще какой-то дядя, который сам себя застрелил. Все это очень интересно и удивительно: у нас тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки, мы можем играть, бегать, нам жутко, но и весело сидеть на корточках, а они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой... [1:252].

Есть ощущение, что хромотопическая структура авторского видения мира в этом фрагменте строится на совмещении настоящего (т.е. автор воссоздает то, что непосредственно видит) и прошлого (т.е. помнит, что переживал то же в детстве). Но совмещение это происходит в подсознании, в эмоциональном едва уловимом поле.

В целом ретроспекция в соответствии с эмоциональной двунаправленностью авторского сознания, позволяющая раскрыть потайное в психике человека, характерна для бунинского повествования. Но в данном случае важно осознать функцию ретроспекции детства в плане раскрытия рефлексии автора в

связи с его философскими размышлениями о бытийном. В этом плане плодотворным оказывается сопоставление «Часовни» с другими произведениями писателя, близкими по форме и содержанию. Например, определенные переключки обнаруживаются между «Часовней» и рассказом «Именины» (1929).

Сходство между двумя произведениями обнаруживается в изображении природно-предметного мира (усадьба, солнечный день); в триединстве Я автора (как участника давнего события, как постороннего созерцателя, как наблюдающего себя со стороны спустя много лет); в многослойном эмоциональном настрое: праздничное именинное настроение – и необъяснимое ощущение ужаса, состояния вне жизни, провала в невероятную древность прошлого. Однако монолог автора встроен в четко обозначенную, а не интуитивно воспринимаемую, сновидческую картину воспоминаний детства.

За перечисленными деталями – главное. Обращение к детству дает писателю возможность подчеркнуть неразрывную связь между детским и взрослым восприятием мира. Именно поэтому в названных рассказах взрослое отношение к вечному, к смерти рассматривается писателем как отражение эмоциональных состояний в детстве. Таким образом еще раз проявляется излюбленная мысль Бунина о Всеединстве.

Детство ощущается писателем как возможность преодоления времени и пространства, возможность существовать в «безначальности и бесконечности» (И.А. Бунин). Взрослому же человеку это ощущение дано лишь на уровне воспоминания.

В третий раз обостренное чувство единства жизни и смерти лирического героя с особой силой выражено в последнем абзаце «Часовни», выполняющем в миниатюре функцию лирической концовки.

В синем море неба островами стоят кое-где белые прекрасные облака, теплый ветер с поля несет сладкий запах цветущей ржи. И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна [1:252].

В этом изображении природно-предметного мира – ярко чувствуемое счастье жизни, но чем радостнее лирический герой воспринимает жизнь через

природу, тем острее он чувствует трагизм неизбежного ее конца, тем непримиримее его отношение к смерти.

Онтологическому характеру и драматизму чувствования автора соответствует напряженный эмоциональный тон миниатюры. Его волнующая (бытийная) сдержанность подчеркнута минимумом выразительных средств, сосредоточенных, главным образом, в лирическом зачине и финале произведения. И это стилистический знак Бунина как величайшего мастера психологического анализа. Его слово прежде всего образительно, его фраза описательна и кратка, но при этом он в совершенстве владеет умением зафиксировать эмоциональные и смысловые перепады в потоке воспринимающего сознания, передать тончайшие нюансы настроения, сокровенные душевные переживания, связанные с осмыслением законов Бытия.

Таким образом, в литературной миниатюре «Часовня» (и, надо полагать, в других произведениях этого жанра) уже можно наблюдать те сущностные и структурные основы авторства, которые, как показал И.П. Карпов [3], характерны для центрального произведения писателя – романа «Жизнь Арсеньева»: автор обнаруживается прежде всего в том, на что направлено его сознание – в потенциальном содержании сознания, а также в эмоциональном тоне, эмоциональной окраске повествования. Он наделяет героя своим типом сознания, комплексом своих переживаний.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. Т.7. М., 1966. 399 с.
2. Зверева Л.И. О жанровых особенностях миниатюр И. А. Бунина // *Филологос*. Выпуск №3 (1-2) (2007). С. 176–192 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15173831> (дата обращения: 10.09.2018).
3. Карпов И.П. Проза Ивана Бунина: кн. для студ., преп., асп., учит. М.: «Флинта», «Наука», 1999. 235 с.
4. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве: пособ. для вузов. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1973. Т.1.